Верналь Фонтениль

Крокодилы

Верналь Фонтениль
Крокодилы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22552029

Аннотация

«Это был странный человек, действительно сумасшедший, несмотря на то, что он не был в сумасшедшем доме и никто за ним не следил. Он жил одиноко, без семьи. Всегда спокойный, в доме, где он занимал на шестом этаже две маленькие комнатки, он не подавал никому повода посягать на свою свободу. Соседи довольствовались называть его чудаком…»

Содержание

I 5
II 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Верналь Фонтениль
Крокодилы

Les Crocodiles, 1888

* * *

I

Это был странный человек, действительно сумасшедший, несмотря на то, что он не был в сумасшедшем доме и никто за ним не следил. Он жил одиноко, без семьи. Всегда спокойный, в доме, где он занимал на шестом этаже две маленькие комнатки, он не подавал никому повода посягать на свою свободу. Соседи довольствовались называть его чудаком. Но он был сумасшедший. У человека со здравым рассудком не бывает такой бледности. Его движения были похожи на движения автомата, без мускулов и крови, который сделан только из железа или дерева. Но все-таки нужно было признать, что у него были кости, обтянутые лоснящейся кожей. Он мог бы играть роль человека-скелета, если бы не скрывал своей необыкновенной худобы под просторной одеждой, и если бы его черные волосы, его очень большие, немного суровые глаза, его длинный правильный нос не устраняли идеи о курносом, безглазом и плешивом черепе.

Его мансарда служила ему только для ночлега. Целые дни он проводил вне дома, и ни палящий зной, ни проливной дождь не могли его задержать. Он не был спокоен даже в лавке, где он покупал себе хлеб, фрукты или молоко, единственную его пищу, и всегда ел на ходу. Он выбирал улицы и места для прогулок самые многолюдные и посещал их в часы, когда было наибольшее стечение народа. Утром он поки-

дал свое предместье вместе с волнующейся толпой рабочих и направлялся в кварталы, где кипит торговля и промышленность. Часто, около двух часов он подымался, с видом делового человека, по лестнице биржи, выходил на трибуну, топтался там, затем торопливо спускался и отправлялся через предместья и Елисейские поля в Булонский лес. Этот путь изменялся смотря по направлению толпы. Так, по четвергам и воскресеньям публичные гулянья, посещаемые школьниками, манили сумасшедшего своим веселым шумом. Даже в суматохе пожаров, на смотрах и фейерверках, его физиономия выражала удовольствие. Вечером, с толпою усталых рабочих, он возвращался в свое жилище.

Но особенно странно было его поведение в зоологическом саду, куда он входил со вздохом и лицом, выражающим сильное страдание. Пройдя ворота, он уже спешил в большие аллеи, как будто ему нужно было по очень важному делу. Но как только он подходил к зверинцу, лицо его становилось багровым, он начинал дрожать, хватался за ограду клетки с тюленем, на которого он глядел с ужасом, пока не убеждался, что это было безобидное и хорошо запертое животное. Тогда он испускал глубокий вздох облегчения и делался спокойнее. Но ненадолго: побуждаемый какой-то необходимостью вечно блуждать, он покидал это спокойное место и забирался еще дальше в животное царство, в эту несравненную живую коллекцию, в виде которой исполнилась исполинская мечта поместить тип каждого вида животных и

которую невежды упорно сравнивают с лавкой сада акклиматации.

Невежды! Сколько их в этом святилище природы и науки! Безобидные зеваки, негодяи, праздно проводящие день, в ожидании ночи, покровительницы их похождений. Животные с их беспечностью и странностями отвлекали одних от их черных замыслов, а других погружали в глупое изумление, которое у них выражалось все одной и той же мыслью: «Как они безобразны!».

Безобразны, эти почтенные слоны, спины которых – как черные скалы, поросшие посохшей травой! Безобразны, эти верблюды и эти драмодеры, с их шелковистою шерстью, с большими задумчивыми глазами, в которых ясно выражается спокойствие пустыни, эти носороги, с толстой кожей, напоминающей броню. Безобразны эти обезьяны, которые как будто дразнят человека, и эти кондоры, с плешивыми головами и пушистыми воротниками, и эти марабу, похожие на мудрых раввинов, слишком крепко придерживающихся нелепых текстов. Безобразны, все эти древние дети Земли, эти величественные, фантастические образы! Безобразны, потому что не похожи они на толстопузых буржуа, на тощего крестьянина, на женщин, которые, за неимением перьев, вынуждены одеваться в безобразное тряпье!..

Не потому ли сумасшедший избегал этих зверей, что он находил их также безобразными? Не потому ли он опять возвращался к ним, что находил их такими же смешными, как

его собственные мысли? При виде некоторых животных, например священных ибисов, он дрожал всем телом, другим же он грозил кулаком. В эти дни он забывал даже о своем скудном обеде. Кожаный мешок, который он носил через плечо и куда он прятал свои жизненные припасы и деньги, оставался запертым. Когда в пять часов сторожа запирали зверинец, лицо сумасшедшего выражало горькое разочарование: со сложенными руками, с осунувшимся лицом, с горькой улыбкой на устах. Между тем вокруг него воцарялась тишина, так как посетители уходили домой обедать, но он не уходил и бродил по самой глухой части сада, не заходя, однако, с одной стороны дальше старого, обвитого плющом дома директора, а с другой, помещения дикобразов. Он избегал смотреть на пресмыкающихся; проходя мимо их помещения, он старательно поворачивал голову по направлению к клеткам, где находились мрачные птицы: вороны, совы и беспокойные, как грешные души, сороки.

Иногда, испустив стон, похожий на крик животного, попавшего в беду, он тайком вынимал из своего мешка почти совершенно истертую карту Африки, как будто отыскивая необходимую справку, потом снова тревожно складывал карту, как бы боясь выдать тайну своей жалкой жизни.

II

Как раз над галереей пресмыкающихся жил старый препаратор по имени Онора Мери, который, несмотря на важные работы о Pterosaurus, новой ящерице с полуострова Малакки; о гистологическом строении зубов большого нильского крокодила (помещенной в «Savants etrangers»), о змееобразном состоянии черепов в период развития и т. д., и т. д., все-таки не считался серьезным ученым: его упрекали за то, что он занимался так называемым в то время «животным магнетизмом», что, будучи эрпетологом, он производил опыты над истеричками и сомнамбулами, что он старался популяризировать открытия, еще упорно оспариваемые. Лишенный всякого честолюбия, он не обращал внимания на все эти толки, довольствовался своим скромным положением и достиг удивительных результатов. Он один из первых старался объяснить себе явление внушения мыслей и развить странные последствия той почти безграничной власти, которую может иметь один человек над другим.

Онора Мери был мрачный маньяк. Он перенес страшное горе, потеряв, при самых грустных обстоятельствах своего несравненного друга, руководителя в его занятиях естественными науками. Родившись в госпитале, воспитанный в благотворительном заведении, Онора был сперва слугою. Его хозяин Реймон Сильвестр, человек замечательно умный

и с превосходным сердцем, пораженный его сметливостью, решился его воспитать настолько, чтобы он мог впоследствии помогать ему в его работах по анатомии пресмыкающихся. Они вместе составляли записки и жили в полной общности идей и чувств. К несчастью, Сильвестр вздумал однажды, кроме мертвых животных, взглянуть и на живую природу, на необъятный мир, и лаборатория казалась ему с тех пор тесной, как могила.

– Наша планета так мала, – говорил он, – что стыдно не знать ее всю. Пойдем со мной, Онора, Мы отправимся на берега великих рек, излюбленных аллигаторами, в страны, где водятся самые опасные змеи, и мы будем тогда изучать на живых существах, а не в скучном зверинце, нравы этих дорогих нам животных.

– Реймон, ты шутишь, ты очень хорошо знаешь, что мы не охотники, не колдуны, и что ученые нашего сорта могут сделать что-нибудь путное только со скальпелем в руке.

– Это возможно… Ты прав, конечно… Но все-таки с некоторого времени (не одинаковы ли мысли и желания у нас) тебя так же, как и меня влечет к неизвестному, и ты так же сгораешь нетерпением видеть свет.

Он говорил правду, но Мери не хотел с ним согласиться в этом, потому что натуралист-помощник (это было звание Сильвестра) и препаратор не могли оставить должность оба сразу.

Реймон Сильвестр сначала отправился в кругосветное пу-

тешествие. Спустя шесть месяцев он возвратился с желанием уехать снова.

Он всегда любил Онора, но так спокойно, что мог отлично обходиться и без него. Он сделался добычей ужасной страсти, он жаждал простора, движения, беспрестанной смены вещей и существ. Хотя он и привез огромные коллекции, но не интересовался более естественной историей. Его мечтой было попирать ногами девственную почву. Онора поощрял его, угадывая в нем гений великого путешественника.

На Лионском вокзале, когда они обнялись в последний раз, Реймон понял печаль Онора, он почувствовал всю горечь их разлуки и был в нерешительности, но такой легкой, увы! что он не выразил ее даже словом, а только более долгим объятием.

Он писал из Марселя, Неаполя, Капри и Хартума. В своем последнем письме он извещал своего друга, что встретил некоего француза по имени Адриян Брюно, и что он предложил ему вместе с ним исследовать страну озер. Затем полное молчание. Онора писал, осведомлялся в Египте, ему не могли дать никаких сведений. Тогда он сам отправился на берега Нила. Употребляя всю мудрость ученого человека, все внимание своего опытного ума, пользуясь, наконец, вполне научным методом, как будто дело шло о реставрации исчезнувшего вида, ему удалось, наконец, напасть на след своего друга: недалеко от истоков реки, на территории одного черного племени, он нашел вполне ясные доказательства смер-

ти Реймона Сильвестра. Вождь племени был одет в сюртук несчастного и вместо шарфа повязал себе на шею один из его носков, метка которого, несмотря на слой грязи, была еще видна. Эти дикари нисколько не боялись признаться, что по совету другого белого человека, его сотоварища, они бросили несчастного в реку на съедение крокодилам.

Онора Мери сейчас же заподозрил Адрияна Брюно, но негры не могли ему дать приметы убийцы. Онора искал его везде, и в Египте, и в Европе. Прошло уже более 10 лет, как он снова стал заниматься в музее, и не прошло ни одного дня, чтобы он не думал о мести. Он познакомился с гипнотизмом, надеясь с его помощью раскрыть самые сокровенные тайны. Эта совершенно неосновательная идея, которая возникла у него только благодаря страстному желанию мести, не потухла в нем и до сих пор, хотя все субъекты, которых он спрашивал насчет Адрияна Брюно, никогда не сказали ему ничего определенного. Мери часто ходил в Сальпетриер, там он познакомился с Бюрком, и там же следил за опытами господина Шарко. Каждую минуту Онора сталкивался с душевнобольными. Он не мог оставаться равнодушным при виде сумасшедшего. Когда он из окна своей комнаты замечал этого человека, бледного, бродившего перед галереей, не зная, где остановиться, им овладевало страстное, почти болезненное любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.